

**ПИСЬМА А. А. ФЕТА
к Е. Д. БОТКИНОЙ (ДУНКЕР)
(1887–1892)**

Публикация Г. Д. Аслановой

Елизавета Дмитриевна Боткина (в перв. бр. Дункер, во втор. — Щукина; 1859–1938) была племянницей жены Фета Марии Петровны, дочерью ее брата Дмитрия Петровича (1829–1889) и Софьи Сергеевны (урожд. Мазуриной; 1840–1889) Боткиных.

В 1860-е годы, в период жизни в Степановке, супруги Феты на зиму приезжали в Москву и часто останавливались в доме Дмитрия Петровича на Покровке. Отношения сложились так, что именно эти родственники стали близкими друзьями Афанасия Афанасьевича и Марии Петровны. А когда поэт приобрел Воробьевку, почти каждое лето сюда приезжала вся семья.

На глазах поэта подрастала, становилась очаровательной девушкой первый ребенок Боткиных — Лиля, как называли в семье Елизавету Дмитриевну. Она получила хорошее домашнее образование. В письме к Д. П. и С. С. Боткиным от 5 апреля 1883 (?) года Фет просит передать «сердечный привет дорогой Елизавете Дмитриевне, единственной из московских девиц знающей про существование Валленштейна».¹ Эти «сердечные» отношения были взаимными. Девушка не только любила поэзию и, конечно же, знала стихи Фета, ее привлекала сама личность незаурядного человека, ей было дорого его внимание. Так, 9 марта 1880 года она пишет Марии Петровне: «Передайте, пожалуйста, Афанасию Афанасьевичу мою большую благодарность за память и его доброе расположение ко мне, которое мне очень дорого».²

¹ РГБ. Ф. 315. К. 3. № 5. Здесь и далее все даты указываются по старому стилю.

² Там же. К. 7. № 57.

Е. Д. Боткина
Портрет работы И. Е. Репина (1882)

В январе 1882 года И. Е. Репин по заказу П. М. Третьякова написал портрет Фета для его галереи (ныне хранится в Третьяковской галерее, Москва). Сразу же по окончании этой работы Репин принялся за портрет Елизаветы Дмитриевны, разумеется, не без содействия поэта. Портрет писался в доме на Покровке, и Фет не пропускал ни одного сеанса, следил за работой художника и даже давал советы. В письме к К. И. Чуковскому Репин рассказывал: «А<фанасий> Аф<анасьевич> садился близко, у меня за плечами и громко-наставительно-авторитетно говорил мне: „Я вам советую — правую руку отвести правее — иначе смотрите: ведь у вас получается ракурс — что вы с ним делать будете?!“».³ В настоящее время этот портрет находится в Екатеринбургском музее изобразительных искусств.

Безмятежные детство и юность в кругу дорогих и любящих людей не предвещали тяжелых душевных испытаний, которые вскоре пришлось пережить Елизавете Дмитриевне.

³ Илья Репин — Корней Чуковский: Переписка. 1906–1929 / Вступит. ст. Г. С. Чурак, подготовка текста и публ. Е. Ц. Чуковская, Г. С. Чурак, коммент. Е. Г. Левенфиш, Г. С. Чурак. М., 2006. С. 264.

Граф А. С. Гендриков

В Белгородском уезде Курской губернии (ныне Белгородская область, Шебекинский район), на берегу Северного Донца находилось имение Боткиных Ново-Таволжанка с усадьбой и сахарным заводом. Напротив располагалось имение графа Гендрикова Напрасное и недалеко от него другое имение — Графское.⁴ Скорее всего, именно здесь летом 1884 или 1885 года познакомились Елизавета Дмитриевна Боткина и молодой граф, корнет кавалергардского полка Александр Степанович Гендриков (1859–1919). Молодые люди полюбили друг друга. Сестра Марии Петровны Екатерина Петровна Щукина писала ей из Ново-Таволжанки 8 сентября 1885 г.: «Граф торчит у нас по целым дням, право, уж даже скучно становится, что он вечно здесь; хотя бы кончилось это свадьбой. Сидят, гуляют всегда вместе, ну, одним словом, точно жених, а пора бы давно чем-нибудь покончить. Авошь мы дождемся этого счастливого дня».⁵ Решив жениться на Елизавете Дмитриевне, Гендриков подал прошение о запасе: он приносил в жертву своей любви дальнейшую во-

⁴ См.: Щукин П. И. Воспоминания. Из истории меценатства России. М., 1997. С. 137.

⁵ РГБ. Ф. 315. К. 13. № 18. Л. 1 об.–2.

енную карьеру. Его происхождение (основатель династии Гендрик был женат на племяннице Екатерины I, которая даровала ему графский титул и земли в Брянском уезде) и положение, которое занимали Гендриковы в обществе, не допускали брака с девушкой купеческого сословия. Тем не менее помолвка в скором времени состоялась.

Как было принято в то время, накануне помолвки или после нее, в период, остававшийся до свадьбы, родные и знакомые наводили справки о женихе, и, если выяснялись какие-то его порочные наклонности или неблагоприятные поступки, помолвка расстраивалась. На просьбу Фета навести справки о Гендрикове И. П. Новосильцов отвечал 23 ноября 1885 года: «Сведения о гр. Гендрикове — сколько мне известно, хорошие, я знаю отца и мать и брата, в полку узнать ничего нельзя — если бы и было что — товарищи не выдадут, — но полагаю, что если бы что было дурное — не стали бы держать — а о нем не слышать ничего, кроме хорошего, хотя в выражениях „общих“».⁶

В ожидании счастливого события Фет пишет стихотворение:

Я видел твой млечный, младенческий волос,
Я слышал твой сладко вздыхающий голос —
И первой зари я почувствовал пыл;
Налету весенних порывов подвластный,
Дохнул я струю и чистой и страстной
У пленного ангела с веющих крыл.

Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастье не будет конца.

Однако свадьба не состоялась. Некоторое прояснение причин разывшейся драмы содержится в письме Фету Дмитрия Петровича Боткина от 25 июня 1886 года: «Наша семейная история легла на мою душу тяжелым, подавляющим бременем, которое поневоле держит меня постоянно в самом скверном расположении духа. Молодой граф еще в декабре подал прошение о запасе, но родители его своими происками сумели сделать то, что его законной просьбе не было дано хода, и тем временем устроили ему командировку в Иркутск. Хотя он уехал в свое

⁶ *ИРЛИ*. № 20288, л. 93–93 об. Опубликовано с неточностями: Письма И. П. Новосильцова к А. А. Фету. Часть II (1885–1887) / Публ. Е. В. Виноградовой // *Ежегодник РО ПД (2005–2006)*. С. 469.

дальнее путешествие женихом Лили, тем не менее вся эта каверза произвела на нас самое удручающее действие. Теперь, когда рана еще так свежа, мне положительно тяжело и больно беречь ее, но впоследствии расскажу Вам обо всем подробно. Посудите сами, как живется нам невесело, — глядя на бедную Лилию, вконец разбитую своим горем!».⁷

В своем отчаянии Дмитрий Петрович был, возможно, не вполне справедлив, обвиняя во всем родителей жениха. Помолвка не могла состояться без их согласия. А. С. Гендриков подал прошение о запасе, очевидно, также не без их ведома. Кто не дал хода этому документу? Может быть, в дело действительно вмешались родители. Однако, скорее всего, это была воля полкового командования, не захотевшего потерять молодого перспективного офицера и в наказание за попытку нарушить сословную традицию направившего его в распоряжение командующего войсками Иркутского округа. При этом Гендриков был произведен в поручики.

За три месяца до письма Дмитрия Петровича, 30 марта 1886 года, уже зная о случившемся, Фет написал стихотворение:

Он ест, — а ты цветешь напрасной красотой,
Во мглу тяжелых туч сокрылася любовь,
И радость над твоей прелестной головою
Роскошно звездой не загорится вновь.

И жертва зависти, и жертва кривотолка,
За прелесть детскую погибнуть ты должна;
Так бьется, крылышки раскинув, перепелка,
Раздавлена ногой жующего вола.

Посвященный в эту тяжелую драму Н. Н. Страхов, прочитав стихотворение, писал Фету 17 апреля: «Я узнал перепелку, раздавленную ногой жующего вола; я видел эту даму и не мог не почувствовать какого-то обворожения».⁸

Несмотря на чуткое внимание и любовь всех окружающих ее, Елизавета Дмитриевна долго не могла справиться со своим горем. 28 июля 1887 года она писала Марии Петровне: «Хотя я, вероятно, и заслужу гнев Афанасия Афанасьевича, скажу Вам про себя, что я особенно кисну и плохо забываю и переживаю тяжелое и гадкое прошлое».⁹

Эта история разбитого счастья двух любящих людей, разлученных чужой волей, получила свое преломление в творчестве поэта последнего периода.

⁷ ИРЛИ. № 20274. Л. 153–153 об.

⁸ Цит. по: Фет А. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1986. С. 699.

⁹ РГБ. Ф. 315. К. 7. № 57.

Е. Д. Боткина

Запретили тебе выходить,
Запретили и мне приближаться,
Запретили, должны мы признаться,
Нам с тобою друг друга любить.

Но чего нам нельзя запретить,
Что с запретом всего несовместней, —
Это песня: с крылатою песней
Будем вечно и явно любить.

30 апреля 1889 года Елизавета Дмитриевна в возрасте 29 лет вышла замуж за Константина Густавовича фон Дункера (1859–1900), брата жены Н. С. Третьякова. К. Г. фон Дункер был инженером путей сообщения и одновременно освоил новое инженерное направление, связанное с водопроводными системами. В 1898–1899 учебном году он читал лекции по курсу водостоков в Императорском московском инженерном училище, которые были изданы специальной книгой.¹⁰

¹⁰ См.: Дункер К. Г. Лекции по курсу водостоков, читанные в 1898/9 учебном году на III курсе. М., 1899. 344 с. (Имп. Моск. инж. училище В. П. С.).

Занятия и интересы мужа были далеки от того мира, в котором Елизавета Дмитриевна жила все предыдущие годы, — мира искусства и поэзии. Любила ли она Константина Густавовича или послушалась уговоров родителей выйти за него замуж, из ее писем непонятно. В ее письмах к Марии Петровне нет даже намека на супружеское счастье. Возможно, ее душевное состояние было связано с потерей родителей, которая совпала с замужеством: в марте 1889 года умерла Софья Сергеевна, а через месяц после свадьбы скончался Дмитрий Петрович. С этого времени Афанасий Афанасьевич и Мария Петровна стали для нее самыми близкими людьми. И оба старались поддержать ее и помочь в новом периоде жизни.

По-видимому не случайно, в письмах к ней Фет постоянно говорит, как он полюбил Константина Густавовича, который «вошел в его сердце», что ее муж занят настоящим делом. Эти письма интересны тем, что перед нами предстает мало известный Фет, в бытовой обстановке, заботящийся, чтобы ничто не омрачало семейную жизнь дорогого ему человека. Его наставления Елизавете Дмитриевне о том, как нужно воспринимать жизнь, всегда тактичны, хотя и убедительно настойчивы, что, судя по ее письмам, не осталось без результата.

Двадцать шесть дошедших до нас писем Фета (1887–1892) к Елизавете Дмитриевне и сохранившаяся часть переписки ее с Марией Петровной¹¹ свидетельствуют, что их духовная близость и взаимная привязанность с годами, с тяжелыми потерями и страданиями, стали им еще дороже.

В январе 1888 года Фет подарил Елизавете Дмитриевне третий выпуск «Вечерних огней» с надписью:

Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманием эту тетрадь.
Можно ли трезвой то выказать силой ума,
Что опьяненному муза прошепчет сама?
Я назову лишь цветок, что срывает рука, —
Муза раскроет и сердце и запах цветка;
Я расскажу, что тебя беспредельно люблю, —
Муза поведаст, что я за муки терплю.

Письма публикуются по подлинникам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (№ 20270) и Отделе рукописей РГБ (Ф. 315. К. 3. № 13), с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации. Большая часть писем (за исклю-

¹¹ Переписка Е. Д. Дункер и М. П. Шеншиной, а также ответные письма Е. Д. Дункер к Фету ныне хранятся в фонде поэта в РГБ.

чением письма от 26 ноября 1887 года) написана под диктовку А. А. Фета рукой его секретаря Е. В. Федоровой (в замуж. Кудрявцевой), фрагменты писем, написанные самим Фетом, обозначены в подстрочном примечании. Выражаю глубокую благодарность Ирине Александровне Кузьминой за помощь в подготовке писем к публикации.

1

20 ноября 1887 г. Москва

Москва
Плющиха, соб. дом^а

Ноября 20, 1887.

Дорогая Елизавета Дмитриевна!

Сию тщательно разрисованный иодом, против того места, где в правое легкое воткнул кол. Это дреколие лишает меня возможности явиться сегодня к Вам в вашу, столь симпатичную для меня, среду.

Тетя Маша¹ усердно просит передать Вам, что в понедельник будет ждать вас всех, конечно, за исключением Дмитрия Петровича,² и помнит, что мамаша кушает постное.³

За исключением дам Толстых⁴ и Гротов,⁵ у нас никого не будет, кроме Соловьева.^{6, 6}

Целую Ваши ручки.

Преданный Вам дядя
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 1–1 об.

¹ Речь идет о *Марии Петровне Шенишиной*, урожд. Боткиной (1828–1894), жене поэта.

² Очевидно, отец Е. Д. Боткиной — Д. П. Боткин был болен.

³ Речь идет о приглашении к праздничному обеду по случаю дня рождения Фета (23 ноября ст. ст.).

⁴ Кого, кроме *Софьи Андреевны Толстой*, урожд. Берс (1844–1919), жены Л. Н. Толстого, имел в виду Фет, установить не удалось.

⁵ *Грот Николай Яковлевич* (1852–1899) — философ и психолог, профессор Московского университета, председатель Московского психологического общества,

^а В 1887–1892 гг. Фет практически постоянно пользовался бумагой со штампом, который воспроизводится здесь и далее в левом углу.

⁶ Далее рукой А. А. Фета.

Е. Д. Боткина

первый редактор ж. «Вопросы философии и психологии». *Грот Наталья Николаевна*, урожд. Лавровская (1860–1924), жена Н. Я. Грота.

⁶ *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853–1900) — философ, поэт, публицист, переводчик. Познакомился с Фетом в 1881 г., и до смерти поэта у них сохранились дружеские отношения. Соловьев был поклонником поэзии Фета и помощником в его литературной работе.

2

26 ноября 1887 г. Москва

Москва

Плющиха, соб. дом

№ 481

26 ноября.

Милая, дорогая и блистательная Елисавета Дмитриевна!

Вчера вечером сам попросил, чтобы правое плечо выпачкали иодом; поэтому и думать еще о выездах не дерзаю. Тетя сегодня тоже отличилась бессонницей и заснула в 5 часов утра. Вчера только Анна Ефимов-

Москва

Плющиха сов. домъ

№ 481.

26 Ноября

1887-88

Милый, дорогой и близкий
моя душа Елизавета Дмитриевна!

Вчера вечеромъ сама пошла въ
школу правые мѣра въ полкам
ис дѣлать; надѣлаю и дѣлать еще
объѣздомъ дѣлать. Тѣмъ
сладко тѣмъ же минутамъ де-
соницы и задувать въ сабѣтѣ.

Вчера была Анна Ефимовна
урава къ вам; дарили Сибирь
непримѣть, — дѣлать въ
примѣть, — дѣлать въ
дѣлать въ дѣлать и дѣлать.
Тѣмъ же. Цѣлуемъ Ваши ручки
и маму и дѣлать въ дѣлать.
Примѣть, — дѣлать въ дѣлать.
Сторубъ: Ми и Д. Мелин,

Письмо Фета к Е. Д. Боткиной от 26 ноября 1887 г.

на¹ у нас обедала; даже Соловьев² не пришел, — догадываюсь, по причине студенческой истории, зная мое воззрение на такие подвиги.³ Целую Ваши ручки и тапаю и обнимаю Дмитрия Петровича.⁴

Преданные Вам старцы М. и А. Шеншины.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 3.

Год устанавливается по содержанию письма на основании связи с предыдущим.

¹ Речь идет о *Боткиной Анне Ефимовне*, урожд. Гучковой (1839–между 1910 и 1915) — жене Владимира Петровича Боткина (1837–1869).

² См. примеч. 6 к письму 1.

³ 22 ноября 1887 г. среди студентов Московского университета, недовольных университетскими порядками, вспыхнули волнения, которые из стен аудиторий перекинулись на улицу. 26 ноября в некоторых местах города состоялись многочисленные студенческие сходки. Беспорядки были остановлены с помощью полиции и казаков. Многие студенты были арестованы. Подробнее об этом см.: *Щетинин Б. А.* Первые шаги // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 533–547.

К подобным событиям Фет всегда относился негативно. После студенческих волнений в 1890 г. в Москве и Петербурге он писал 24 марта 1890 г. великому князю Константину Константиновичу: «На днях мне приходилось беседовать с одним почтенным ветераном Московского университета о мерах к прекращению нелепых университетских волнений, при которых мальчики решаются вступать в переговоры с верховной властью. Мой собеседник вполне разделял выраженную мною в „Московских ведомостях“ мысль о том, что доставление прав высшими учебными заведениями отжило уже свой век ввиду бескорыстного стремления избранных к высшему образованию» (*К. Р. Переписка*. С. 329). Речь идет о статье «К вопросу о нашем образовании»: *МВед.* 1890. 28 февраля. № 58. С. 2, за подписью: «А. Фет».

⁴ Имеются в виду С. С. и Д. П. Боткины.

3

26 апреля 1890 г. Москва

МОС.-КУР. ж. д.
ст. Коренная Пустынь

26 апреля 1890.

Дорогие друзья Елизавета Дмитриевна и Константин Густавович, мы оба с женою не можем отказать себе в удовольствии поздравить вашу парочку с годовщиной свадьбы, которую с своей стороны старались закрутить как можно тверже.¹ Дай Бог, чтобы старания наши на многие

и многие годы увенчались отрядным успехом, сопровождаемым даже вещественными доказательствами супружеского согласия.

Выйдя из Вашего обильного завтрака, мы, благодаря любезности Василия Федоровича,² которого я в день приезда письменно благодарил, доехали до Коренной,³ не выходя из вагона.

Только три дня тому назад Марья Петровна, вследствие ли простуды или жирной молочной пищи, проснулась ночью с сильными и болезненными холерными припадками; но благодаря припаркам и иным домашним средствам, дело обошлось, и нарочный за доктором вернулся без последнего, в котором уже особой нужды не оказалось. В настоящее время Марья Петровна хотя еще и соблюдает диету, но уже хлопочет над устройством флигеля к ожидаемому приезду Полонских.⁴

Принялся я за свою автобиографию с детства,⁵ но дело как-то не спорится, а слабость глаз мешает всяким другим работам. Боюсь, не пришлось бы привезти романов милейшей Елизаветы Дмитриевны нечитанными. Я стал совершеннейшая дрянь, а между тем гр. Олсуфьев,⁶ кричавший все время: «Куда вы торопитесь?», — свалил всю работу на мои руки.

Если Петя⁷ в свою очередь вздумает обрадовать нас своим приездом, то было бы хорошо, если бы он, конечно, на мой счет захватил с собою три бутылки пятирублевого шампанского, которое подают на Маросейке.⁸ Это нужно к 22 июля.^{а, 9}

От души обнимаю Вас обоих. Искренно преданный

А. Шеншин.

Нарочно снова открыл письмо, чтобы прибавить, что у нас такая телятина и в особенности выкопчена в Курске такая ветчина, какая только может быть у святых людей.

Погода изменилась, и стало холодно.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 5–6 об.

¹ Бракосочетание Е. Д. Боткиной и К. Д. Дункера, на котором присутствовали Фет с женой, состоялось 30 апреля 1889 г. в имении Д. П. Боткина Ново-Таволжанка Курской губернии Белгородского уезда. «В метрических книгах, хранящихся при Покровской церкви слободы Курской губернии Белгородского уезда за 1889 год апреля 30 дня под № 12 записана следующая статья: м<ещанин?> города Москвы инженер Константин Густавович Дункер, православный, первым браком, 30 лет и невеста города Москвы 1-й гильдии купца дочь девица Елисавета Дмитриевна Бот-

^а Далее до слов «А. Шеншин» включительно рукой А. А. Фета.

кина, православная, первым браком, 30 лет (На момент венчания Е. Д. Боткиной было 29 лет. Она родилась 21 октября 1859 г. — Г. А.).

По женихе поручители: потомственный почетный гражданин Николай Иванович Щукин, врач Петр Иванович Постников; по невесте: свободный художник Николай Ефимов Рачков, белгородский земледелец Александр Иванов Иост» (Свидетельство о браке Е. Д. Боткиной и К. Г. Дункера. Метрическая выпись // *РГАЛИ*. Ф. 54. Оп. 1. Л. 123). По прошествии нескольких дней после свадьбы, 3 мая 1889 г., Фет писал А. В. Олсуфьеву: «Через неделю по приезде нашем в деревню мы поехали на восток от Белгорода к Боткиным на их сахарный завод, где происходило 30-го апреля бракосочетание нашей племянницы с инженером Дункером. Воздерживаюсь от описания торжества, в котором мне пришлось фигурировать сперва как камергеру, вводящему невесту в церковь, а затем и как поэту, произнесшему пару строк с бокалом в руке. На другой день вслед за новобрачными переехали и мы всей семьей в другое имение Боткиных — Тихий Хутор, где нашли не дом, а целый дворец с устройством жизни, доступной только весьма богатым любителям по этой части» (*Письма к Олсуфьеву* (51). С. 253).

«С бокалом в руке» Фет прочитал стихотворение «На бракосочетание Е. Д. и К. Д. Дункер» (впервые опубликовано в четвертом выпуске «Вечерних огней»).

В часы забав, во дни пиров,
Пред божеством благоговей,
Поэты славили любовь
И пышный факел Гименяя.

Он горячо волнует грудь
И сквозь покров полупрозрачный
На расцвеченный кажет путь
И жениху и новобрачной.

И мы отраду возвестим
Князьям сегодняшнего пира;
Споет о счастье молодым
Моя стареющая лира.

На юность озираясь вновь
И новой жизнью пламеня,
Ура! и я хвалю любовь
И пышный факел Гименяя!

² *Карташов Василий Федорович* — директор Управления Московско-Курской железной дороги.

³ *Коренная Пустынь* — станция железной дороги, названная по монастырю, находящемуся в 3 км. Отсюда, чтобы доехать до располагавшегося в 10 км имения Фета Воробьевки, пересаживались в экипажи.

⁴ О приезде Полонских см. письмо 4 и примеч. 7 к нему.

⁵ Фет начал писать мемуары «Ранние годы моей жизни». Вышли в Москве в 1893 г. тиражом 600 экз.

⁶ *Олсуфьев Алексей Васильевич*, граф (1831–1915) — генерал-лейтенант, с 1892 г. генерал от кавалерии, филолог-дилетант, прекрасно знавший литературу,

историю и культуру Древнего Рима. Фет познакомился с ним в 1886 г. Близкие дружеские отношения связывали их до смерти поэта. Все эти годы Олсуфьев активно помогал Фету в его переводах древнеримских поэтов. Подробнее об этом см. в письмах Фета к Олсуфьеву и во вступит. статье к публ.: *Письма к Олсуфьеву (50–52)*.

⁷ Боткин Петр Дмитриевич (1865–1931) — брат Е. Д. Дункер.

⁸ Фет имеет в виду трапезы в доме Боткиных на Маросейке (ныне Петроверигский пер., д. 4), владельцем которого в это время был Петр Петрович Боткин (1831–1907).

⁹ День ангела М. П. Шеншиной.

4

26 мая 1890 г. Воробьевка

МОС.-КУР. ж. д.
ст. Коренная Пустынь

26 мая 1890.

Милая и дорогая Елизавета Дмитриевна,
с величайшей признательностью ценю Ваш родственный поцелуй, accolade,^a равно и приветствие милейшего Константина Густавовича, которого воззрения на жизненную стезю вполне разделяю, и твердо уверен, что, протянувши лямку плодотворного труда всю жизнь, он и в старости будет обеими руками хвататься кругом за умственный труд, как бы велико ни было доставленное ему жизнью материальное обеспечение.

Радуюсь, что Гименей своим факелом пробудил и в Вас все таившиеся силы, и я уверен, что, как ни роскошна была Ваша девичья жизнь, Вы ни за что бы не согласились променять на нее настоящую. Мы с тетей только третьего дня на своих лошадях в один день приехали за 100 верст с Воронежского конного завода,¹ где полевым хозяйством я остался недоволен и откуда в нынешнем году «на большой каравай рот не разевай».

12-го мая от Галаховых² и со Мценского мирового съезда³ я собирался доехать до Тулы к Толстым;⁴ но по случаю болезни графа, которому теперь лучше, не поехал.⁵

Марья Петровна заново отделала фонтан и очень довольна; но я пробовав сходить под гору и возвращался, умирая от одышки.

^a объятие, поцелуй при встрече (*франц.*).

Вчера привели купленного для меня осла и теперь обучают его. Он меня будет носить на горы, если только я соберусь идти под гору.

Верьте, моя дорогая, что я очень чувствую отсутствие Вашей толковости и вкуса. Нечего и говорить, каким праздником был бы для нас Ваш приезд с мужем в Воробьевку.⁶

По причине детских экзаменов Полонские не явятся (если явятся) раньше первых чисел июня.^{6, 7}

Полагаю, что прочитать Вам начатые мною воспоминания с детства не придется раньше октября. Еще раз обнимаю Вас при желании всего обоим лучшего.

Дядя Ваш
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 7–8.

¹ В Землянском уезде Воронежской губернии у Фета было имение Грайворонка и конный завод, которые он купил в 1874 г. у брата П. А. Шеншина.

² *Галахов Николай Павлович* (1855–1936) — действительный статский советник, вице-губернатор Орла и губернатор Витебска. *Галахова Ольга Васильевна*, урожд. Шеншина (1858–1942) — племянница Фета, владелица родового имения Клейменово.

³ В 1867 г. Фет был избран (и потом переизбирался) мировым судьей 3-го участка Мценского уезда Орловской губернии. Когда он продал Степановку и переехал в 1877 г. в Воробьевку (Щигровский уезд Курской губернии), его избрали почетным мировым судьей Мценского уезда.

⁴ В Тульской губернии находится имение Л. Н. Толстого Ясная Поляна.

⁵ 26 мая 1890 г. Мария Петровна сообщала Елизавете Дмитриевне: «Ты, вероятно, слышала, что Лев Ник<олаевич> был очень болен, внутреннее воспаление и разлив желчи. Граф<иня> писала, что он страшно переменялся, худой и желтый. Поехал Лев Ник<олаевич> погостить к брату Сер<гею> Ник<олаевичу> с дочерью Машей и там захворал, дали знать гра<фине>, она тотчас туда поехала и нашла его в ужасном положении. Несмотря на все сопротивление выписала доктора, потом перевезла его в Ясную Поляну. Теперь он пьет воды, а потом надо пить кумыс, выписала башкира, чтобы готовить кумыс дома» (*РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 29).

⁶ По всей видимости, Фет здесь откликается на письмо Елизаветы Дмитриевны к Марии Петровне от 23 мая 1890 г., в котором, описывая свою жизнь на даче в подмосковных Мытищах, в плохой усадьбе, она сетовала, что муж много работает и ей совестно оставлять надолго его одного. «Часто вспоминая Вас, — писала Елизавета Дмитриевна, — я с завистью думаю о Вашей жизни в Воробьевке, где так дивно

⁶ *Далее рукой А. А. Фета.*

хорошо и куда очень стремлюсь приехать к 22 июля. Если бы явилась какая-либо возможность это исполнить, с радостью приехала бы к Вам на денек или два...» (РГБ. Ф. 315. К. 7. № 58).

⁷ Полонский Яков Петрович (1819–1898) — поэт, друг Фета со студенческих лет. Его жена (с 1866 г.) — Жозефина Антоновна, урожд. Рюльман (1844–1920), скульптор. Дети Полонского: Александр (1868–1934) — в это время студент 1-го курса историко-филологического факультета Петербургского университета, Наталья (в зам. Елачич; 1870–1929), Борис (1875–1923) — весной 1891 г. поступил в 7-й класс Училища правоведения. О намерении выехать в Воробьевку «в начале июня» Полонский сообщал Фету в письме от 12 мая, выражая опасения за результаты экзаменов своих сыновей, в первую очередь Александра (см.: *ИРЛИ*. № 11843а. Л. 113 об., а также: *Переписка с Полонским*. С. 814–816). Я. П. Полонский приехал в Воробьевку с семьей 9 июня, а уехал 9 августа, вслед за ним уехал Александр — 14 августа, Жозефина Антоновна, Наталья и Борис жили до конца месяца.

5

22 июля 1890 г. (?) Воробьевка

МОС.-КУР. ж. д.
ст. Коренная Пустынь

22 июля.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

Я не знаю, когда Петя и Сережа¹ уезжают в Таволжанку, быть может даже сегодня в ночь; а потому и по чувству, и по принципу не желаю откладывать ни на минуту возможности перекинуться с Вами дружеским словом. Именинница еще вчера с восторгом передала Ваше любезное письмо, затуманенное единственно невозможностью обрадовать нас Вашим приездом. «Вот, — сказал я жене, — люди так созданы: дорого бы дала иная жена за то, чтобы видеть мужа своего настойчиво и толково трудящимся. А тут выходит какое-то сетование»; но стоит немножко дать волю воображению и представить, к чему приводят семейные отношения людей праздных, чтобы раз навсегда вычеркнуть упреки в трудолюбии из записной книжки.² Распространяться о нашем житье-бытье, с любимым днем которого Петя и Сережа познакомились лично, нахожу излишним и мало интересным. Во всех этих летних экскурсиях утешаюсь единственной мыслью, что до конца сентября уже не так далеко и мы в состоянии будем чаще видеться друг с другом у Покровских ворот³ или на Плющихе. Не знаю наверное, где Вы получите

эти строки, написанные за нас обоих, так как жена моя сидит с гостями. Прошу во всяком случае Вас при свидании засвидетельствовать мое искреннее почтение многоуважаемому Константину Густавовичу и поблагодарить его за любезные поздравления.^а

Целую Вашу руку

неизменно преданный
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 9–9 об.

¹ Имеются в виду братья Елизаветы Дмитриевны — *Боткины Петр Дмитриевич* (см. примеч. 7 к письму 3) и *Сергей Дмитриевич* (1869–1945) — впоследствии чиновник Министерства иностранных дел, статский советник, камергер (с 1911 г.), с 1919 г. — в эмиграции.

² Очевидно, в письме, которое накануне получила Мария Петровна (неизв.), были та же грусть и сожаления, что в предыдущих. См. примеч. 6 к письму 4.

³ У Покровских ворот против церкви Воскресения в Барашах (ныне: ул. Покровка, д. 27) располагался большой дом, купленный Д. П. Боткиным. После смерти родителей здесь жили Е. Д. Дункер с мужем и ее братья Петр и Сергей.

6

28 октября 1890 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

28 октября 1890.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

Вчера мы отдали визит Цертелевым¹ и познакомились с премилой сестрой княгини Марианной Федоровной Ванлярской.² Князь сегодня уезжает по делам в Питер, а дамы в восторге от нашего приглашения во вторник к обеду, узнав что за обедом будете Вы с мужем и с братьями. О Вашем обещании быть у нас я вместе с этим подтверждаю и Николаю Ивановичу.³ Очень будет жаль, если стул милейшего Константина Густавовича останется пустым.^а

Сердечно преданный
А. Шеншин.

^а Далее рукой А. А. Фета.

На конверте:

Афанасий Афанасьевич Шеншин^б

Ее высокоблагородию Елизавете Дмитриевне Дункер
Покровка, д<ом> Боткиных.

Почтовые штемпели: 28 октября 1890; Москва, 28 октября 1890.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 3. № 13. Л. 1–1 об.

¹ *Цертелевы Дмитрий Николаевич*, князь (1852–1911), поэт и философ, друг В. С. Соловьева, и его жена (с 1890 г.) *Екатерина Федоровна*, урожд. Ванлярская.

² *Ванлярская Марианна Федоровна* (1868–1935) впоследствии вышла замуж за М. Б. Мансурова, а потом за Я. В. Ратькова-Рожнова.

³ *Щукин Николай Иванович* (1851–1910) — двоюродный брат Е. Д. Дункер, старший сын Екатерины Петровны (урожд. Боткиной) и Ивана Васильевича Щукиных.

7

8 ноября 1890 г. Москва

МОСКВА

Плюшиха, соб. дом

8 ноября 1890.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

обедавшие у нас третьего дня Остроуховы¹ звали нас сегодня на девицу Третьякову,² а вчера Марья Петровна была на обеде у Екатерины Петровны,³ я же еще до обеда употреблял горчицу, но не на языке, а на груди. Хотя мне несколько легче, но решаюсь выдержать еще несколько дней, невзирая ни на какую скуку. Прошу Вас об одном, вверяйтесь смело операторам;⁴ это люди знающие, опытные и осторожные; но не верьте ни слову лекарственных болтунов, получающих с дипломом право на всенародное убийство. Делаясь по бедности собственным врачом, предписываю себе сидеть дома и потому вынужден благодарить Вас и дорогого Константина Густавовича за любезное приглашение на завтрашний день, которым мы, увы! — воспользоваться не можем.^а

Целую Вашу руку.

Искренне преданный

А. Шеншин.

^б Здесь и далее имя, отчество и фамилия Фета напечатаны на конвертах в виде штампа.

^а Далее рукой А. А. Фета.

На конверте:

Афанасий Афанасьевич Шеншин.

Ее высокоблагородию Елизавете Дмитриевне Дункер.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 20270. Л. 11–11 об.

¹ Имеются в виду *Остроухов Илья Семенович* (1858–1918) — живописец и художественный деятель, коллекционер, а также его жена *Надежда Петровна*, урожд. Боткина (1862–1916), племянница М. П. Шеншиной, дочь Петра Петровича и Надежды Кондратьевны (урожд. Шапошниковой) Боткиных.

² Речь идет о знакомстве («смотринах») с дочерью Третьяковых Павла Михайловича (1832–1898) и Веры Николаевны, урожд. Мамонтовой (1844–1899) — *Александрой Павловной Третьяковой* (1868–1959). В том же году она стала женой Сергея Сергеевича Боткина (1859–1910), врача, сына лейб-медика Сергея Петровича Боткина (1832–1889), брата М. П. Шеншиной.

³ *Щукина Екатерина Петровна*, урожд. Боткина (1826–1904) — сестра М. П. Шеншиной.

⁴ *Оператор* — устар., врач, делающий операцию.

8

22 мая 1891 г. Воробьевка

МОС.-КУР. ж. д.
ст. Коренная Пустынь

18 $\frac{22}{V}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

эти строки могут быть только слабым и внешним выражением того постоянного чувства приязни, которое Вы сумели с самых детских лет Ваших воспитать и сохранить во мне. Следовательно, если бы я лишен был дара слова, то достаточно было бы мне взглянуть на Вас и ткнуть указательным перстом себе в грудь против сердца, и Вы бы вполне меня поняли. Как не поблагодарить мне милого Константина Густавовича за ту безыскусственную легкость, с которою он об руку с Вами вошел в мое сердце и засел в нем так, как будто бы я привык любить его с детства так же, как и Вас.

День у Толстых¹ мы провели очень приятно; все у них подтянулось и посвежело. Я спал на новой кровати, а Марья Петровна на новом диване, при новых оконных занавесках, с новыми ковриками перед постеле-

лями, с великолепными английскими lavabo;^а на прекрасной новой террасе все сходятся на завтраки и обеды; при этом сам граф в туфлях на босу ногу, а 13-летние мальчики ходят целый день босиком; барышни посвежели и помолодели и в особенности Маша² неузнаваема; она при нас уехала в Рязань к Филосововым.³ Но сама графиня и Кузминская⁴ крайне оживились моим стихотворным присутствием и увлекли меня в область стихов.⁵

Не откажите передать всем своим наши общие сердечные приветствия.⁶

Тетя обнимает всех вас, а я целую Вашу руку.

Неизменно преданный А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 14–15.

¹ В Ясной Поляне у Л. Н. и С. А. Толстых супруги Шеншины побывали на пути в Воробьевку 19–20 мая.

² *Толстая Мария Львовна*, в замуж. Оболенская (1871–1906).

³ *Филосововы Николай Алексеевич* (1840–1895) и *Софья Алексеевна*, урожд. Писарева (1847–1901). Сын Толстого Илья Львович (1866–1933) был женат на Филосовой Софье Николаевне (1867–1934).

⁴ *Кузминская Татьяна Андреевна*, урожд. Берс (1846–1925) — сестра С. А. Толстой.

⁵ В письме к Я. П. Полонскому от 22 мая 1891 г. Фет рассказывает об этом дне, проведенном в Ясной Поляне: «День у Толстых мы провели превосходно. Сила ума его поразительна, невзирая на свою явную парадоксальность, с которой я в постоянной оппозиции. Конечно, мы оба как старые волки избегали драки, предоставляя это менее опытной молодежи; <далее рукою А. А. Фета> но зато дамы его — я разумею графиню и ее сестру Кузминскую — меня очаровали. Все просили меня читать новые стихотворения и поднялись все трое в неувядаемую молодость. Хорошо! Очень хорошо» (*ИРЛИ*. № 118436. Л. 168–168 об. Ср.: *Переписка с Полонским*. С. 909). 22 мая С. А. Толстая записала в дневнике: «Был Фет с женой, читал стихи — все любовь и любовь, и восхищался всем, что видел в Ясной Поляне, и остался, кажется, доволен своим посещением, и Левочкой, и мной» (*Толстая С. А. Дневник*: В 2 т. М., 1978. Т. 1: 1862–1900. С. 138).

^а умывальниками (*франц.*).

⁶ *Далее рукою А. А. Фета.*

9

24 июня 1891 г. Воробьевка

МОС.-КУР. ж. д.
ст. Коренная Пустынь

18 $\frac{24}{VI}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна, тотчас по прочтении милых строк Ваших, дня два тому назад, Екатерина Владимировна¹ ушла в купальню, и я до того вскипел желанием отвечать по горячим следам, что решился было, чего я никогда не делаю, писать сам. Но испугался мысли впасть в совершенно неудобопонятную лирическую чепуху. Положение мое действительно показалось мне затруднительным: говорить Вам отдельные поштучные похвалы я не могу по причине банальности такой работы на Ваши глаза; а то, что хотелось бы сказать, может быть только, подобно стихам, понято между строками. Со стихами справишься не во всякую минуту (лучше сказать, в редкие минуты), а пошлости говорить стыдно, — и приходится молчать. Мне отрадно верить Вашему к нам доброму расположению, объясняя его привычкой видеть наши лица с первого Вашего пробуждения в колыбели. Вы оба с дорогим Константином Густавовичем имели время заметить, что я считал Ваших родителей самыми близкими мне людьми; но я мысль о Вас между прочим всегда соединяю с памятью о прелестной m-lle Hortense.² Очищенная простота манер, другими словами, благовоспитанность для меня многоценное качество. Как некоторое уяснение питаемого мною к Вам чувства прилагаю написанное на днях стихотворение. Нечего говорить, как мы были бы рады встретить вашу любезную парочку в Воробьевке, хотя бы на денек, ибо знаю, что я невыносимо скучен. В настоящую минуту гостит у нас И. Н. Новацкий,³ и Мария Петровна увезла его сегодня в день его именин к обедне в Коренную.⁴ За обедом мы будем его праздновать с семейством Чайковских⁵ и будем пить шампанское.

Пожалуйста, не забудьте поздравить от нас и поцеловать Петю⁶ в день его Ангела.^a

Тетя вернулась из Коренной и привезла раскисшего от жары Новацкого, и мы оба, обнимая вас всех заочно, — просим быть здоровыми и брать пример прилежания с Вашего милого мужа, сохраняя к нам старцам всегдашнюю любезность.

Неизменно преданный
Вам А. Шеншин.

^a Далее до слов «Ваш А. Шеншин» включительно рукой А. А. Фета.

Я говорю, что я люблю с тобою встречи
 За голоса ласковый, за нежный цвет
 За блеск твоих кудрей, спадающих ^{лапша,}
 За свет, что в глубинах очей твоих ^{на плечи,}
 горит.

О, что все цветы, букашки и камешки,
 Каким ребенком радь набрать со всей ^{сторона}
 Любимой матери в том сладком ^{векна,}
 Когда ей заглянуть в глаза так ^{срастивше очю.}

29 мая 1891.
 Воробьевка.

Федоров

Стихотворение Фета «Я говорю, что я люблю с тобою встречи...»
 Список рукой Е. В. Федоровой в письме к Е. Д. Дункер от 24 июня 1891 г.

Я говорю, что я люблю с тобою встречи
За голос ласковый, за нежный цвет ланит,
За блеск твоих кудрей, спадающих на плечи,
За свет, что в глубине очей твоих горит.

О, это все цветы, букашки и камня,
Каких ребенок рад набрать со всех сторон
Любимой матери в те сладкие мгновенья,
Когда ей заглянуть в глаза так счастлив он.

29 мая 1891.

Воробьевка.

А. Фет.⁶

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 16–18.

¹ Федорова Екатерина Владимировна, в замуж. Кудрявцева — секретарь Фета с конца 1886 г. до его смерти. После смерти поэта жила с Марией Петровной, затем служила секретарем и библиотекарем у коллекционера древностей Петра Ивановича Щукина (1853–1912). Написала воспоминания о Фете, из которых сохранились только последние страницы, где она рассказывает о возвращении из Воробьевки осенью 1892 г. и о смерти поэта. См.: *Асланова Г.* «Еще ты каждый миг моей покорна воле...» // Вопросы литературы. 2008. № 3. С. 307–321.

² Гувернантка Е. Д. Боткиной.

³ *Новацкий Иван Николаевич* (1827–1904) — профессор хирургической клиники Московского университета, главный врач Екатерининской больницы, автор нескольких печатных работ по хирургии и истории медицины.

⁴ Мужской монастырь *Курская Коренная Рождества Пресвятой Богородицы пустынь* находится в 30 км от Курска и в 8 км от Воробьевки. Его основание в 1597 г. связано с обретением 8 сентября 1295 г. (в день Рождества Пресвятой Богородицы) чудотворной иконы «Знамение Божией Матери Курско-Коренная» на корнях дерева вблизи р. Тускарь. Из того места, где лежала икона, забил источник, который бьет до сих пор. После революции 1917 г. монастырь был закрыт, собор Рождества Пресвятой Богородицы и другие храмы разрушены. В 1989 г. началось возрождение монастыря.

⁵ *Чайковский Николай Ильич* (1838–1911) — старший брат композитора, инженер-путеец, действительный статский советник. Его семья: жена *Ольга Сергеевна*, урожд. Денисьева, их приемный сын *Георгий Николаевич* (1883–1940). Усадьба Н. И. Чайковского Уколово находилась в 12 км от Коренной Пустыни и недалеко от Воробьевки. П. И. Чайковский приезжал сюда два раза — в 1891 и 1893 гг. — и во время обоих приездов посетил Воробьевку. От усадьбы Уколово сохранилась только усадебная церковь великомученика Георгия Победоносца.

⁶ Имеется в виду П. Д. Боткин (см. примеч. 1 к письму 5).

⁶ Подпись — рукой А. А. Фета.

23 июля 1891 г. Воробьевка

МОС.-КУР. ж. д.
ст. Коренная Пустынь

18 $\frac{23}{VII}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

Целую Ваши красиво пишущие пальчики и прошу передать Вашему милому мужу и не менее милым братьям (хотя в телеграмме сказано Боткин) наши с тетей признательные поклоны за любезное поздравление.¹

Марья Петровна другой день просит меня посоветовать Вам, Дункерам, взять за 500 руб<лей> смирную и добронравную пару вороных, которую Петя² сам видел у Александра Ивановича.³ Что касается до нас, то наша пара рыжих совершенно разладилась, и о ней и поминать нечего.

Мы оба с Новацким хвораем и задыхаемся взапуски, и если бы не пасьянс, то и не знаю, как влачили бы мы дни нашего существования.

Радуюсь приближению августа ввиду возможности в конце сентября обнять Вас в Москве.^a

Целую Вашу руку.

Неизменно преданный

А. Шеншин.

Рукой М. П. Шеншиной:

Прости меня, моя дорогая Лилиша, что не пишу тебе, измучилась, писавши сегодня благодарственные письма. Обнимаю вас всех от всей души, любящая вас

М. Шеншина.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 20–21.

¹ Эта телеграмма с поздравлениями ко дню именин М. П. Шеншиной (22 июля) не сохранилась.

² Речь идет о П. Д. Боткине (см. примеч. 1 к письму 5).

³ Имеется в виду *Иост Александр Иванович*, агроном, бывший управляющий Воробьевки (в 1877–1882 гг.), в это время управляющий имением Боткиных в Ново-Таволжанке.

^a *Далее рукой А. А. Фета.*

11

12 сентября 1891 г. Воробьевка

МОСК.-КУРСКОЙ
жел. дор.
Ст. Коренная пустынь

18 $\frac{12}{IX}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

даже помимо поглощающего мое предобеденное время головоломного перевода классического Лукреция,¹ толкующего за две тысячи лет о сцеплении между собой атомов, я давно утратил возможность жизни безотчетной, которой Вы, дорогая, по-видимому, завидуете. И сам я по собственному побуждению стараюсь связывать рядом стоящие факты между собою, как люди, застегивая полу платья, цепляют петли за пуговицы. В этом смысле я не могу не спросить себя: почему же фон Дункеры единственные люди в кругу знакомых, которым я с удовольствием читаю страницы из прожитого мною? Согласитесь, что нужно много симпатических условий для того, чтобы это выходило просто и непретенциозно. Я очень рад, что дружеские отзывы Ваши о моих теперешних воспоминаниях блистательно оправдались по случаю школьных рассказов волнением и похвалами, вызванными ими в балтийской печати.² Если бы Вы не подчинялись, как Вы говорите, Вашему мужу, стремящемуся оставить сознательный след на земле, то это было бы в противоречии со всем Вашим существом. Человеку не дано затыкать своих духовных стремлений и жажды каким-нибудь Римом или Парижем, чему вековечным примером останется Фауст, который заткнул ее, наконец, полезной деятельностью и как бы нарочно инженерною.³

Никаких внешних событий мы, слава Богу, не знаем за исключением разве обеда в Воробьевке музыканта Чайковского,⁴ которого мы почтили шампанским, цветами и стихами.

Полонский писал о любезном Вашем приглашении и сборах его дам исключительно брызнуть в Москву к Покровским воротам.⁵

Почти одновременно с этим поздравляем именинниц, а через три дня я ожидаю воронежского управляющего, и затем еще не решено, — заедем ли мы к Галаховым⁶ или прямо мимо Вашего дома проедем на Плющиху.^a

^a Далее рукой А. А. Фета.

Позвольте же нам, старикам, в надежде скоро обнять Вас налицо, исполнить пока это письменно.

Искренно любящие Вас М. и А. Шеншины.

Екатерина Владимировна просит передать ее усердные приветствия. Воронежский управляющий пишет, что, невзирая на голодовку, крестьяне по поводу Рожд<ества> Богородицы⁷ справляют приходский праздник 2-недельным пьянством и буйством и того гляди все погорят. Вот и собирайте копеечные коллекты!!!⁸

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 22–23 об.

¹ Переводить поэму римского поэта-философа *Тита Лукреция Кара* (I в. до н. э.) «О природе вещей» Фет начал еще в 1887 г. 14 марта 1887 г. он писал С. А. Толстой: «Недаром Лукреций начинает свою глубокою поэму о природе вещей великодушным гимном к Венере, этому олицетворению любви. Я перевел это начало и остановился в своей работе, убоившись цензуры, так как Лукреций, в сущности, заклятый материалист <...>» (*Фет А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 303). Перевод остался незавершенным: рукописи кн. 1 и кн. 2 рукой Е. В. Федоровой с поправками Фета находятся в *РГБ*. Ф. 316. К. 1. № 42–43.

² 9 сентября 1890 г. Полонский обратился к Фету с просьбой предоставить отрывок из своих воспоминаний для издававшегося Я. Г. Гуревичем журнала «Русская школа»: «Прежде чем ты издашь отдельной книгою свои ребяческие и отроческие воспоминания, — не дашь ли ты из этих воспоминаний отрывка о своих школьных годах — о пребывании в пансионе у Погодина и проч. — издателю и редактору журнала „Русская школа“ Як<ову> Григор<ьевичу> Гуревичу. — Он очень этого желает <...>» (*ИРЛИ*. № 11843а. Л. 121–121 об.; ср.: *Переписка с Полонским*. С. 826). Воспоминания Фета о пребывании в немецком пансионе Крюммера и в московском пансионе М. П. Погодина появились в «Русской школе» (1891. № 1–3) под заглавием «Из моих школьных воспоминаний», что соответствует с некоторыми сокращениями главам IX–XVII отдельного (посмертного) издания (см.: *РГ*. С. 77–147).

³ В письме к Марии Петровне от 8 сентября Елизавета Дмитриевна жаловалась на одиночество, так как «все разъехались», а муж много работает: «Знаю, что скажет на это Афанасий Афанасьевич: „Так и нужно“. Но отчего нам не жить, имея все-таки на это возможность, как живут мои братья, кузины и т. д. Впрочем, я подчиняюсь мужу, который в этом отношении непоколебим, а я не могу не уважать его за это. Я сделала даже большие успехи в умении наполнить свое время: очень много читаю, работаю, гуляю и вообще не скучаю, но зато потеряла всю свою светскость». Приписка сбоку: «Жду с нетерпением вашего возвращения, а вместе с ним надеюсь послушать новые воспоминания Афанасия Афанасьевича» (*РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 58). Желая подбодрить племянницу, Мария Петровна сообщала в ответном письме: «Много чтения приготовил для тебя Афанасий Афанасьевич. Когда я ему говорю: „Ты бы перечел“, — ответ всегда бывает один: „Прочту моей милой Елизавете Дмитриевне“» (Там же. К. 5. № 29).

⁴ Очевидно, композитор *Петр Ильич Чайковский* (1840–1893) побывал в Воробьевке 18 августа, так как эта дата стоит под стихотворением «Петру Ильичу Чайковскому» («Тому не лестны наши оды...»), подаренным композитору в день визита к Фету. 25 августа 1891 г. Фет сообщал К. Р.: «Дня три тому назад обедал у нас приехавший на два дня к нашему соседу Николаю Ильичу Чайковскому его родной брат Петр Ильич. Он понравился мне как вполне артистическая натура. Я посадил его за обедом рядом с собою и уверен, что у Вашего Высочества сильно звенело в ушах от наших усердных о Вас разговоров. Узнав, что он страстный любитель цветов, Марья Петровна поставила перед ним два букета из отцветающего сада, а я прочел и передал ему стихотворение, которым он остался, кажется, очень доволен» (*ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 174–174 об.; ср.: *К. Р. Переписка*. С. 363). В свою очередь, П. И. Чайковский писал брату Анатолию Ильичу 2 сентября 1891 г.: «Ездили в Коренную Пустынь, а один день провели у Фета. Я его видел в первый раз в жизни и нашел очень интересным» (*Чайковский П.* Полн. собр. соч. Литературные произведения и переписка. М., 1978. Т. 14–А. С. 200).

⁵ О доме на Покровке см. примеч. 3 к письму 5. 31 августа 1891 г. Я. П. Полонский сообщил Фету о полученном от Е. Д. Дункер приглашении погостить в их московском доме в сентябре и о намерении («если сентябрь будет хороший — и погода будет теплая, — а у меня будут деньги») отправить в Москву «жену и дочь — посмотреть на Художественный отдел Французской выставки» (*ИРЛИ*. № 11843а. Л. 177 об.; ср.: *Переписка с Полонским*. С. 919), однако эта поездка так и не состоялась.

⁶ См. примеч. 2 к письму 4. Имение Галаховых Клейменово располагалось в Мценском уезде Орловской губернии.

⁷ Это письмо неизвестно. Праздник Рождества Богородицы отмечался 8 сентября по ст. ст.

⁸ Сбор, взносы, складчина, пожертвования (*лат.*).

12

26 сентября 1891 г. Москва

МОСКВА
Плущиха, соб. дом

18 $\frac{26}{IX}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,
приехавши третий день в Москву, видели Ваши окна не занавешенными, но дворника у ворот не видали и сказать о приезде было некому. Сидим оба больные и без лошадей, которые придут только завтра. Обнимите Вашего милого мужа за нас и, главное, будьте здоровы.^a

^a Далее рукой А. А. Фета.

Ничего не знаем, где кто?

Неизменно преданный Вам

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 24.

13

28 сентября 1891 г. Москва

МОСКВА

Плющиха, соб. дом

18 $\frac{28}{IX}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна, тетьа с ознобом рук и ног лежит на постели и просит передать, что навестившая нас сегодня Екатерина Петровна¹ обещала приехать к нам обедать в среду. Не найдете ли Вы поэтому возможным обрадовать нас с своей стороны приездом в этот день к обеду. По нашему раннему обеду в 5 часов^а Вы всегда можете вернуться к приезду Вашего мужа.^б

Сердечно преданный Вам

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 26.

¹ Речь идет о Е. П. Щукиной. См. примеч. 3 к письму 7.

14

21 октября 1891 г. Москва

МОСКВА

Плющиха, соб. дом

18 $\frac{21}{X}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

Я уверен, что такая умная новорожденная увидит новое доказательство нашей к ней симпатии в том, что мы два дня кряду не врываемся лично к ней с поздравлениями, а просим дорогого Константина Густа-

^а «В 5 часов» *вписано рукой А. А. Фета поверх строки.*

^б *Далее рукой А. А. Фета.*

вовича, поздравивши новорожденную от себя, поздравить затем и от нас.

Решаюсь держаться руслу известного тропаря и говорю, препровождая при сем скудные дары: «Прими ныне малое дарение наше, яко же прияла еси вдовицы два лепта». ^{a, 1}

Мы оба сердечно вас обоих обнимаем

дядя Ваш
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 28–28 об.

¹ Фет перефразирует кондак 13 «Акафиста Господу нашему Иисусу Христу»:

О, пресладкий и всещедрый Иисусе,
прими ныне малое моление сие наше,
якоже приял еси вдовицы две лепте,
и сохрани достояние Твое от враг видимых и невидимых,
от нашествия иноплеменных, от недуга и глада,
от всякия скорби и смертоносныя раны,
и грядущия изми муки всех, вопиющих Ти:
Аллилуя, аллилуя, аллилуя.

15

22 (?) октября 1891 г. Москва

Елизавете Дмитриевне
Дункер.

В день ее Ангела
22 октября 1891.

Их вместе видя и к тому же
Когда и оба влюблены,
Возможно ль умолчать о муже
В день именин его жены?

Союз по правде идеальный,
И чудо Ангел совершил:

^a Далее рукой А. А. Фета.

Воды мытищенской кристальной
Струю в вино он превратил.

А. Фет.^а

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 3. № 23. Л. 3.

16

2 ноября 1891 г. Москва

МОСКВА

Плющиха, соб. дом

18 $\frac{2}{XI}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

два дня и две ночи кряду я до того кашлял и задыхался, что сетовал лишь на долговременное приближение смертного часа. И вот причина, почему при всем желании мы в понедельник послезавтра побывать у Вас не соберемся.

Если не будет с Вашей стороны отказа, собираемся к Вам в будущую субботу.^б

Наши усердные приветствия Вашему любезному супружеству, и целую Вашу лапку

преданный А. Шеншин.

В среду мы всегда дома. Будем очень рады, если навестите.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 20270. Л. 30.

17

27 ноября 1891 г. Москва

МОСКВА

Плющиха, соб. дом

18 $\frac{27}{XI}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

считая, несмотря ни на какую родственную близость, вступаться в визитные расчеты дам между собою для себя неудобным^а — я только

^а Подпись рукой А. А. Фета.

^б Далее до слов «А. Шеншин» включительно рукой А. А. Фета.

^а «Для себя неудобным» вписано А. А. Фетом поверх строки.

сегодня узнал, что Ольга Васильевна¹ останется у нас до воскресенья. И вот ввиду выпавшего снега, я питаю надежду еще раз радостно встретить Вас на Плющихе, где кроме того Ваше появление дало бы нам возможность обедать в пятницу у Вас, так как оставить гостью за столом одну более чем неудобно.⁶ Всем усердные покло<ны>.

Неизменно преданный
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 32.

¹ См. примеч. 2 к письму 4.

18

10 января 1892 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 $\frac{10}{I}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,
от души обнимаем и поздравляем новых домовладельцев, и если Бог попустит грехам нашим, надеемся на отрадные минуты в новом доме¹ у давно и горячо любимых давно знакомых нам хозяев.^а

Целую Вашу руку до свидания в понедельник у невесты.²

Преданный А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 34.

¹ После женитьбы брат Елизаветы Дмитриевны П. Д. Боткин выкупил дом на Покровке, доставшийся детям Д. П. Боткина по наследству, а супруги Дункеры приобрели дом на Поварской (дом сохранился, современный адрес: ул. Поварская, д. 9), в который переехали осенью 1892 г. В этой связи 11 января 1892 г. Фет писал Полонскому: «Елизавета Дмитриевна сердечно благодарит тебя, равно как и оба Боткины, за любезное приветствие, а сегодня она прислала нарочного с известием о покупке ею дома на Поварской, который придется им отделять, так что сберутся переехать в него из Покровского дома, который займет новая хозяйка, не раньше конца будущей осени. Дали они за дом 85 тысяч, да еще вложат в него тысяч 40, а дом все-таки деревянный» (*ИРЛИ*. № 118436. Л. 203; ср.: *Переписка с Полонским*).

⁶ Далее рукой А. А. Фета.

^а Далее рукой А. А. Фета.

Особняк Е. Д. и К. Г. Дункеров на Поварской, Москва
Современная фотография

С. 949). После перестройки в доме стараниями К. Г. Дункера появились водяное отопление, электричество, лифт, что по тем временам было большой редкостью.

² Речь идет о *Софье Михайловне Малютиной*, которая 29 января 1892 г. стала женой Петра Дмитриевича Боткина. 6 февраля 1892 г. Фет писал К. Р.: «Несмотря на то, что нестерпимая одышка не позволяет мне выходить из дому, я вынужден был 29 января в карете ехать на Покровку на бракосочетание нашего племянника Боткина с весьма милой девушкой Малютиной. Жена моя была в церкви при венчании, а я, стоя спиной к длинному буфетному столу, ожидал прибытия молодых, при которых только поднял бокал и поставил его за спину на стол» (*ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 243).

19

9 марта 1892 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 $\frac{9}{III}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,
Вчера за обедом Лагодин¹ сообщил мне новость, заставляющую меня прибегать под Ваше испытанно любезное покровительство. Он говорил

о прекращении будто бы с 1-го апреля предоставления дорогою вагонов товарных. Затем он прибавил, что будто бы мера эта относится к движению, только не из Москвы к Курску, а лишь к обратному, из Курска в Москву.

Было бы чрезвычайно любезно со стороны дорогого Константина Густавовича, которого не решаюсь беспокоить личными просьбами при его занятиях, — если бы он, при его связях, узнал действительное положение вещей в этом отношении, и вопрос мой в будущую субботу 14-го не застал его врасплох...

Каков дядя, недавно угощавший племянников роскошными обедами. Каково-то приготовит он нам дальнейшее удивление? Весь Сонечкин² туалет пропал ни за грош.^a

Мы оба от души обнимаем и приветствуем вас всех, а я целую Вашу руку дядя Ваш

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 3. № 13. Л. 5–6.

¹ Лагодин Алексей Ильич — инженер, специалист по сахароварению, в 1887 г. женился на Антонине Ивановне Щукиной (1862–1935), племяннице Марии Петровны, дочери Екатерины Петровны (урожд. Боткиной) и Ивана Васильевича Щукиных.

² Речь идет о жене П. Д. Боткина — С. М. Боткиной (см. примеч. 2 к письму 18).

20

13 марта 1892 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 $\frac{13}{III}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,
карета наша у мастера и по обстоятельствам мы просим Вашего разрешения прибыть к Вам вместо субботы в понедельник, в который мы и будем, если не получим от Вас отказа. Если бы я представил себе даже тень стеснения с нами, то, конечно, избегал бы к тому поводов; но уверенный в полной безыскусственности наших отношений говорю: можно — так можно, нельзя — так нельзя.

^a Далее рукой А. А. Фета.

Вчера в первый раз проехал мимо Вашего дома на Поварской. Он очень барствен.^{а. 1}

С сердечным приветом для всех Ваших целую Вашу руку.

Дядя Ваш

А. Шеншин.

На конверте:

Афанасий Афанасьевич Шеншин.

Ее в<ысокоблагоро>дию Елизавете Дмитриевне фон Дункер.
Покровка. Д<ом> Боткиных.

Почтовые штемпели: Москва, 13.ІІІ.1892; Москва, 13.ІІІ.1892.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 3. № 13. Л. 7–8.

¹ См. примеч. 1 к письму 18.

21

27 апреля 1892 г. Воробьевка

МОСК.-КУРСКОЙ
ЖЕЛ. ДОР.

18 $\frac{27}{IV}$ 92.

Ст. Коренная пустынь

Дорогие Елизавета Дмитриевна и Константин Густавович,

Радостно поздравляя вас с третьей годовщиной вашей свадьбы, мы невольно мысленно любуемся вашей прекрасной, дельной и нежно дружественной четой. Мы, старики, мысленно обнимая вас, продолжаем желать вам вполне заслуженного успеха. При этом невольно скажешь: как хороша поэзия и как противна проза! Как приятно было после прекрасного обеда вашего мечтать о хорошем урожае и доходах. Зато как тяжело видеть, что по бездождию пшеница пропала и рожь пропадает, а у крестьян поздний овес даже не всходил. Барометр настойчиво подымается, и гибель становится все несомненнее. Хоть бы вы своим приездом на Троицу освежили наши помутившиеся головы.

^а Далее рукой А. А. Фета.

Жена хотела пить воды, но так с самого приезда разладилась желудком, что при строжайшей диете почти не встает с постели. Я советую послать за доктором, но она все крепится.^а

Примите сами и передайте всем сожителям наши усердные приветствия и поклоны.

Неизменно преданный вам

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 36–37.

22

4 июня 1892 г. Воробьевка

МОСК.-КУРСКОЙ
ЖЕЛ. ДОР.
Ст. Коренная пустынь

18 $\frac{4}{VI}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,
один Ваш почерк, как отпечаток умной и развитой женщины, доставляет мне истинное удовольствие.

Час тому назад отправили на чугунку Петю и Сонечку,¹ а экипажи еще не вернулись. Мы сделали, что могли, и, кажется, они остались довольны.

Хотя я не очень доверяю мечте принять Вас и дорогого Константина Густавовича в Воробьевке, тем не менее мечта вещь приятная, пока не разрушила действительности,² подобно нашей зимней мечте о доходах. Кроме всех остальных благ, желаю Вам от души специального успеха при постройке дома, на посещения которого, если доживу, очень рассчитываю.

Продолжая помаленьку свои воспоминания, я подбадриваю себя надеждой прочитатъ Вам их окончание на Поварской.

Тетя с ваннами простудилась и лежит с подвязанным флюсом на моем диване, пока я диктую эти строки.

Обнимите за нас своего неутомимого мужа, молодой энергии которого я очень завидую. Какое счастье валиться с ног от усталости,

^а *Далее рукой А. А. Фета.*

тогда как валиться от расслабления бездействия, по-моему, величайшая пытка.^а

Искренне любящий Вас

дядя
А. Шеншин.

На конверте:

Афанасий Афанасьевич Шеншин.

Москва. Покровка. Д<ом> Боткиных.

Ее в<ысокоблагоро>дию Елизавете Дмитриевне фон Дункер.

Почтовые штемпели: Почтовый вагон, 4 июня 1892; Москва. 5.VI.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 38–39.

¹ Имеются в виду Боткины Петр Дмитриевич и Софья Михайловна, гостившие в Воробьевке. См. о них примеч. 8 к письму 3 и примеч. 2 к письму 18.

² Как следует из письма Фета к Полонскому от 25 июля 1892 г., супруги Дункеры в Воробьевку так и не приехали: «Дункеры, хотя и обещались приехать дня на три в Воробьевку, но не исполнили обещания и, по-моему, хорошо сделали, так как все время, кроме дня 22-го, был от непрерывных дождей шлеп-парад» (*ИРЛИ*. № 118436. Л. 229 об.–230; ср.: *Переписка с Полонским*. С. 977).

23

25 июня 1892 г. Воробьевка

МОСК.-КУРСКОЙ

Ж. Д.

Ст. Коренная Пустынь

18 $\frac{25}{VI}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

Пишу Вам два слова. Вчера Сережа¹ из Таволжанки² и Надя Остроухова³ из Москвы писали о намерении Вашем супружескою четою обрадовать нас приездом около 20 июля. А так как мы празднуем 22-го, то поневоле думается, что Вы обрадуете нас к именинам. Таким образом, приехавши 20-го утром, Вы могли бы пробыть с нами и день именин. Но скажу откровенно, Вы можете вполне насытить мое желание, вступая через порог Воробьевского дома вдвоем с Вашим мужем.

Тетя просила прибавить, что если бы Вы вздумали захватить кого-либо, например, Софью Андреевну⁴ с собою, то не стеснялись бы, так как помещения хватит для всех.^а

Вы не только совершенный молодец, но и милый молодец, руку которого целую от души

дядя Ваш
А. Шеншин.

На конверте: Афанасий Афанасьевич Шеншин.

Ее в<ысокоблагоро>дию Елизавете Дмитриевне фон Дункер.
Москва. Покровка. Д<ом> Боткиных.

Почтовые штемпели: почтовый вагон, 25 июня 1892; Москва, 27.VI.1892.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 20270. Л. 41–41 об.

¹ Имеется в виду брат Е. Д. Дункер — С. Д. Боткин (см. примеч. 1 к письму 5).

² Вернее *Ново-Таволжанка* — имение Боткиных в Белгородском уезде Курской губернии.

³ Речь идет о племяннице М. П. Шеншиной — Н. П. Остроуховой (урожд. Боткиной), см. примеч. 1 к письму 7.

⁴ Возможно, здесь описка и речь идет о жене П. Д. Боткина — Софье Михайловне.

24

23 июля 1892 г. Воробьевка

МОСК.-КУРСКОЙ
ЖЕЛ. ДОР.
Ст. Коренная пустынь

18 $\frac{23}{VII}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

Только что отвезли на Золотухино¹ Иостов² и Галахова,³ отправившегося к новому орловскому губернатору, а теперь пользуюсь случаем отъезда Оли Галаховой на Коренную, чтобы поблагодарить Вас за любезную телеграмму.

^а Далее рукой А. А. Фета.

Третьего дня мы хвалили Вас за благоразумную воздерж<ан>ность, так как у нас лили непрерывные дожди, при которых прогулка в парке была бы немислима. А сидеть в комнатах все равно в Воробьевке или на Плющихе. Но вчера мы искренно пожалели, что Вас не было, так как погода была превосходная, и гости сами напросились гулять с Марьей Петровной в парке.

Не откажите, дорогая, поблагодарить за нас и братьев Боткиных и в том числе милую Софью Михайловну, которую я предполагаю в числе Боткиных.^a До отрадного свидания с вашей любезной и дорогой четой.

Целую Вашу руку

дядя Ваш
А. Шеншин.

На конверте:

Афанасий Афанасьевич Шеншин.

Ее в<ысокоблагоро>дию Елизавете Дмитриевне фон Дункер.
Москва. Покровка. Д<ом> Боткина.

Почтовые штемпели: почтовый вагон, 23 июля 1892; Москва, 25.VII.1892.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 44–45.

¹ *Золотухино* — железнодорожная станция Московско-Курской ж. д., ближайшая, кроме Коренной, к Воробьевке.

² *Иосты Александр Иванович* (см. примеч. 3 к письму 10) и *Ольга Ивановна*, урожд. Щукина (1863–1930).

³ См. примеч. 2 к письму 4.

25

26 августа 1892 г. Воробьевка

МОСК.-КУРСКОЙ
ЖЕЛ. ДОР.
Ст. Коренная пустынь

26.VIII.1892.

Сердечное Вам спасибо, милейшая Елизавета Дмитриевна, и дорожному Константину Густавовичу за отрадный сюрприз посещения, кото-

^a *Далее рукой А. А. Фета.*

рое можно сравнить только с мгновенным фотографическим аппаратом. Жаль только, что отъезд Ваш вышел так неудобен; но надеемся, что в настоящее время домашние хлопоты восстановили Ваше здоровье.

Мы читаем в газетах, что открытие водопровода последует первого октября, т<о> е<сть> при нас уже.¹ На какую-то новую стезю попадет Конст<антин> Густавович?

Мне не впервой журить Вас за выставляемые напоказ идеалы счастья и благополучия. К счастью, я Вам в этом отношении не верю и, чтобы говорить начистоту, готов заодно демаскировать и свои, и Ваши батареи. В Вас, как и во мне в подобном случае, говорит не зависть и не сожаление, а напротив замаскированное хвастовство, и когда мне в прекрасных комнатах чисто одетая прислуга подает кофе на серебре, мне приятно назвать себя нищим. Но что бы я сказал, если бы этот напиток в подвальном этаже подала мне в желтой глиняной кружке зловонная кухарка? — я бы, пожалуй, стеснился назвать себя нищим.

Это вполне применимо к Вам, моя дорогая. Когда Вы сравните физически и нравственно здоровую и трезвую жизнь Вашего мужа с жизнью других молодых людей, то Вы начинаете хныкать, уверяя, что противоположные Вашему мужу только и умеют жить.² Это похоже на то, как если бы я говорил, что болезненно завидую смушковой бекеше Ивана Никифоровича или брусничному фраку Чичикова.³

Я писал Сереже,⁴ что меня вдруг ни с того, ни с сего мучительно схватило раздутие желудка под ребрами, так что я посылал за доктором, который, конечно, не помог, хотя и получил за два раза восемь рублей. Но теперь, кажется, все пришло в прежний порядок, хотя я никак не желал бы мучиться перед смертью подобным образом. Сережа в настоящее время, вероятно, уехал. Надеюсь переговорить с ним при свидании.

А милым Пете и Сонечке⁵ передайте при свидании наши усердные поклоны.^а Обнимаем вас обоих общим с женой объятием, причем я с ловкостью почти военного человека хватаю и целую Вашу руку.⁶

Дядя Ваш
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 3. № 13. Л. 9–10 об.

¹ *Мытищенский водопровод* — самый старый в России, был построен в XVIII в. для доставления в Москву ключевой воды из подмосковного села Большие Мыти-

^а *Далее рукой А. А. Фета.*

щи. В конце XIX в. его реконструировали, была создана первая система централизованной подачи воды в Москву. Этой работой и был занят К. Г. Дункер.

² См. письмо 5, примеч. 6 к письму 4 и примеч. 3 к письму 11.

³ Фет вспоминает героев повести Н. В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и поэмы «Мертвые души».

⁴ Имеется в виду *Боткин Сергей Сергеевич*. О нем см. примеч. 2 к письму 7.

⁵ Боткины Петр Дмитриевич и Софья Михайловна.

⁶ Фет имеет в виду следующее место из первой главы второго тома «Мертвых душ»: «Господин необыкновенно приличной наружности соскочил на крыльцо с быстротой и ловкостью почти военного человека».

26

21 октября 1892 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 $\frac{21}{X}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

От души поздравляю за себя и за тетю новорожденную, прося передать всем близким, начиная с Константина Густавовича, наши усердные поздравления.

Тетя только что перед подачей Вашей записки прилегла по нездоровью отдохнуть. Поэтому мы ее не будили, и я желал бы сердечно подтвердить слова о том, что мне значительно лучше. К сожалению, мне очень тяжело.^a

Дядя Ваш
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 47–48.

^a Далее рукой А. А. Фета.